

Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи

Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, рукописи 1377 г.,¹ позволил нам обнаружить, что изготовители рукописи заменяли ее уже написанные листы 153—164, причем некоторые из этих листов, по-видимому, не один раз. Эти рамки плотно охватывают в летописи все известия о завоевании Руси татаро-монголами: на лицевой стороне л. 153 находится первая запись о татарах («Явишася языци, их же никто же добръ ясно не вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша...»), на оборотной стороне этого листа — рассказ о битве на Калке (1223 г.), а на обороте л. 164 — последние известия о военных действиях татар на Руси (1240 г.) («Взяша Киев Татарове...»)² Кроме того, лист 167, тоже не первоначальный в кодексе, содержит рассказ о восстании против «бесурмен» в 1262 г. в Ростово-Суздальской земле. Ясно, что переделки в рукописи связаны именно с татарской темой.

Основное внимание переделывателей (речь может идти о главном писце, «мнихе» Лаврентии, и о владельце почерка, вторгающемся в трех местах — на лл. 157, 161 и 167 — в почерк Лаврентия) было сосредоточено, как показывают оставленные ими «следы», в промежутке между 158-м и 164-м листами. И именно в этих пределах — на лл. 159 об. — 164 об. — мы находим связанное, непрерывное повествование о трагических событиях 1237—1239 гг. — повесть о Батыевом нашествии на Русь (особого заголовка в летописи у нее нет; нач.: «Того же лѣта на зиму придоша от восточныѣ страны на Рязанскую землю лѣсом безбожнии Татари»). Очевидно, эта повесть Лаврентьевской летописи — произведение в какой-то мере писцов 1377 г. Но насколько и в чем работа писцов была творческой?

1

На необычайно большую насыщенность повести о Батыевой рати в Лаврентьевской летописи заимствованиями из предшествующей части летописного повествования обратил внимание В. Л. Комарович.³ Действи-

¹ См. мою статью «Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи» в кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины*, т. IV. Л., 1972, стр. 77—104. Тезисы этой работы см.: *Конференция по вопросам археологии и изучения древних рукописей. Тезисы докладов*. Тбилиси, 1969, стр. 49—50.

² В издании Лаврентьевской летописи (ПСРЛ, т. I, вып. 2, изд. 2-е, Л., 1927) листы 153—164 соответствуют столбцам 445—470.

³ См.: *История русской литературы*, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 90—93. См. также: В. Л. Комарович. *Древнерусское областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора*. — *Архив ИРЛИ*, р. I, оп. 12, № 388 (машинопись).

тельно, эта особенность резко выделяет текст повести из окружающей ее среды. Вне ее пределов, на протяжении остальных 170 листов летописи, удается заметить не более полутора десятков несомненных повторений периодов, фраз или оборотов.⁴ На шести же занимаемых повестью листах оказывается тридцать три разновеликих вкрапления. В целом эта мозаика составляет примерно треть объема повести. Покажу все эти случаи.

1. В самом начале повести для описания разгрома татарами Рязанского княжества использовано описание разгрома византийских побережий в 941 г. дружиной князя Игоря:

Л. 10 (941 г.)

...и почаша воевати Вифаньския страны и воеваху⁵ по Понту до⁶ Аркълѣя, и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую поплѣннивше и Суд весь пожгоша; их же емше овѣх растинаху, другия аки страну поставляюще и стрѣляху в ня, изимахуть, опаки рудѣ съвязывахуть, гвозди желѣзные посреди главы вѣбивахуть их; много же святых церкви огнем⁷ предаша, монастыре и села пожгоша, и имѣнья немало обою страну взяша. Потом же пришедшем воем от вѣстока...

Л. 159 об. (1237 г.)

...и почаша воевати Рязаньскую землю, и плѣноваху и до Проньска, поплѣнивше Рязань весь и пожгоша и князя их убиша; их же емше овы растинахуть, другия же стрѣлами растрѣляху в ня, а ины опаки рудѣ съвязывахуть; много же святых церкви огневи предаша, и монастырь и села пожгоша, имѣнья немало обою страну взяша; потом поидоша на Коломну.

2. Второй раз прибегает автор-редактор к тому же самому источнику, чтобы рассказать о разорении Москвы: «а град и церкви святыя огневи предаша и монастыри вси и села пожгоша, и много имѣнья вѣземше отидоша» (л. 160).

3. В уста владимирских княжичей Всеволода и Мстислава вложены отрывки из статей 1185, 1186 и 1093 гг.:⁸

Л. 133 (1185 г.)

...се же ся здѣя грѣх ради наших (...) се же наведе на ны бог...

Л. 134 об. (1186 г.)

...не вѣдуще глаголемаго пророком: нѣсть человеку мудрости, ни есть мужства, ни есть думы противу господеву (Исайя, X, 14).

Л. 160 об. (1237 г.)

...си вся наведе на ны бог грѣх ради наших. Яко пророк глаголет: нѣсть человеку мудрости, ни е(сть) мужства, ни есть думы противу господеву. Яко господеву годѣ бысть, тако и бысть. Буди имя господне благословено в вѣкы...

Л. 74 об. (1093 г.)

Яко господеву любо бысть, тако и бысть. Буди имя господне благословено в вѣкы... (Иов, I, 21—22).

⁴ Заимствования эти (часть из них я обнаружил сам, часть любезно указал мне О. В. Творогов) сделаны из текста летописи начиная со статьи 1015 г. и кончая статьёй 1185 г. и внесены в текст начиная с 1177 г. и кончая 1218 г. Распределение их таково: 1177 г.—3 заимствования (из статей 1015, 1093 и 1096 гг.), 1178 г.—1 (из 1068 г.), 1185 г.—4 (из 1089 и 1091, 1092 и 1096, 1093, 1103 гг.), 1186 г.—1 (из 1185 г.), 1187 г.—2 (из 1186 г. и из 1185 г.—то же, что и в статье предыдущего года), 1206 г.—1 (из 1175 г.), 1218 г.—1 (из 1125 г.). Заимствованы почти исключительно «абстрактные» периоды—рассуждения о вышнем промысле, цитаты из Священного писания и литургических произведений. Характер заимствований в повести о Батьевой рати иной: там из готовых кусочков, как это будет ниже показано, сотканы все главные конкретные описания.

⁵ В Радзивилловском (далее: Р) и Академическом (далее: А) списках «пленоваху».

⁶ РА «и до».

⁷ А «огневи».

⁸ За указание этих параллелей благодарю В. А. Кучкина.

4. Для непосредственно за этим следующего описания разорения татарами Суздальской земли используются слова рассказа о половецком набеге на Киев в 1203 г.:

Лл. 141 об.—142 (1203 г.)

... створися велико зло в Русѣи земли, якоже зло не было от крещенья над Киевом (...) Подолье взяша и пожгоша, ино Гору взяша, и митрополю святую Софью разграбиша, и Десятинную святую Богородицю разграбиша...

Л. 238 Р (1203 г.)

... черньци и черници старья иссекоша, и попы старые и слепыя и хромая, и слукыя, и трудоватыя — та вся иссекоша, а что черньцов инѣх и черниць инѣх и попов и попадеи, и Кияны, и дщери их, и сыны их — то все ведоша иноплеменици в вежи к себѣ...

Л. 160 об. (1237 г.)

... створися велико зло в Суждальской земли, якоже зло не было ни от крещенья, якоже бысть нынѣ (...) взяша Суждаль и святую Богородицю разграбиша, и двор княжь огнем пожгоша, и монастырь святого Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша. А черньци и черници старья и попы и слѣпыя и хромыя и слукыя и трудоватыя и люди всѣ иссекоша, а что чернецъ уных и черниць, и попов, и попадни и дяконы, и жены их, и дщери, и сыны их, то все ведоша в станы своѣ...

5. Сообщение о горестных чувствах владимирцев и последующие рассуждения заимствованы из статьи 1093 г., где тоже повествуется о половецком набеге:

Л. 74 (1093 г.)

... бысть плачь (велик)⁹ в градѣ, а не радость, грѣх ради наших великих и неправды, за умноженье безаконий наших. Се бо на ны бог попусти поганым не яко милоу их, но нас кажа, да быхом ся востягнули от злых дѣл, симь казнить ны нахоженьемъ поганых, се бо есть батога его, да негли встягнувшеся вспомянемъся от злаго пути своего. Сего ради в праздники бог нам наводитъ сѣтованье, якоже ся створи (...) Сего ради пророк глаголаше: преложю праздники ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданье.

Лл. 160 об.—161 (1237 г.)

... бысть плачь велик в градѣ, а не радость, грѣх ради наших и неправды, за умноженье безаконий наших. Попуститъ бог поганыя не акы милоу их, но нас кажа, да быхом встягнулися от злых дѣл; и сими казнми казнить нас бог нахоженьемъ поганых, се бо есть батога его, да негли встягнувшеся от пути своего злаго. Сего ради в праздники нам наводитъ бог сѣтованье, якоже пророк глаголаше: преложю праздники ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданье.

6. Описание разгрома взятого татарами Владимира — это описание разгрома половцами Киева в 1203 г.:

Л. 142 (1203 г.)

... святую Богородицю разграбиша и монастыри всѣ, и иконы одраша, а инѣх поимаша, и кресты честныя и ссуды священия и книги и порты блаженных первых князьи, еже бяху повѣшали в церквах святых на память собѣ, то положиша все...

Л. 238 Р (1203 г.)

... собѣ в полон, якоже глаголетъ пророк Давид: Боже, придоша языци в достояние твое и оскверниша церковь святую твою, положиша Иерусалима яко овощное хранилище, положиша трупи раб твоих брашно птицам небесным, плоть преподобных твоих звѣремъ земным, пролияша кровь их акы воду.

Л. 161 (1237 г.)

... святую Богородицю разграбиша, чюдную икону одраша украшену златом и серебром и камениемъ драгим, и монастырь всѣ и иконы одраша, а инѣх иссекоша, а ины поимаша и кресты честныя, и ссуды священия, и книги одраша, и порты блаженных первых князьи, еже бяху повѣшали в церквах святых на память собѣ, то же все положиша собѣ в полон, яко пророк глаголет: Боже придоша языци в достояние твое, оскверниша церковь святую твою, положиша Иер(уса)л(и)ма яко овощное хранилище, положиша трупя раб твоих брашно птицам небесным, плоть преподобных твоих звѣремъ земным, пролияша кровь их акы воду.

7. Рассуждения летописца о причинах и смысле бедствий вновь заимствованы из статьи 1093 г.:

⁹ Восстановлено по РА.

Л. 74 об. (1093 г.)

...яко на христьянскѣ родѣ страх и колѣбанье (и)¹⁰ бѣда упространиса (...), согрѣшихом и¹¹ казними есмы (...), яко же ны видѣти бѣдно пребывающа. И се нам сущюю радость скорбь, да и не хотяще всяк в будущи вѣк обрящем милость, душа бо сдѣ казнима всяко милость в будущи вѣк обрящет и лготу от мук, не мстити бо господь дважды о том. О неиздреченному чело- веколюбью...

Л. 75 (1093 г.)

...се бо аз грѣшныи и¹⁴ много и часто бога прогнѣваю и часто согрѣшаю по вся дни.

8. Сборным из отрывков статей 1015 и 1206 гг. является пассаж, показывающий благочестие великого князя Юрия Всеволодича; его молитвы совпадают с молитвами Бориса и Глеба. Сравним:

Л. 46 об. (1015 г.)

Се слышав, Глѣб възпи велми с слезами, плачяся по отци, паче же по братѣ...¹⁵

Л. 143 (1206 г.)

(Княгиня Мария Всеволожая) новый Иов явльшися вѣрою и терпѣнем... И Данил рече: свѣт мой годѣ ти буди...

Л. 46 об. (1015 г.)

(Глеб) и нача молитися с слезами, глаголя: Увы мнѣ, господи, лучше бы ми умрети с братомъ, нежели жити на свѣтѣ семь... Нынѣ же что ради остах аз един? ...И сице ему молящюся с слезами, и внезапно придоша послании от Святополка...

Л. 45 об. (1015 г.)

(Борис:) Господи, услыши молитву мою и не вниди в суд с рабом своим, яко не оправдится пред тобою всяк живой, яко погна враг душу мою... Господи боже мой, на тя уповах, и спаси мя и от всѣх гонящих избави мя.

9. Из той же статьи 1015 г. взята за образец фраза для сообщения о смерти князя Василька Константиновича:^{15a}

Л. 47 (1015 г.)

Глѣбу же убьену бывшую и повержену на брезѣ...

Л. 161 об. (1237 г.)

...яко на христьянскѣ родѣ страж и колѣбанье и бѣда упространиса; согрѣшихом казними есмы, яко же ны видѣти бѣдно пребывающа. И се нам сущюю радость скорбь, да и не хотяще всяк в будущи вѣк обрящем милость, душа бо сдѣ казнима всяко в будущи суд милость обрящет и лгнню от муки. О неиздреченному ти чело- веколюбью! И тако подобаеть благому Владыцѣ казати. И се бо и аз грѣшныи много и часто бога прогнѣваю и часто согрѣшаю по вся дни.

Л. 162 (1237 г.)

Он же, се слышав, възпи гласомъ великым со слезами, плача по правовѣрнѣй вѣрѣ христьянскѣй, преже и на(и)паче о церкви...

...рек: Господи, се ли бы годѣ твоему милосердью? Новый Иов бысть терпѣнем и вѣрою яже к богу. И нача молитися, глаголя: Увы мнѣ, господи, лучше бы ми умрети нежели жити на свѣтѣ семь. Нынѣ же что ради остах аз един? И сице ему молящюся со слезами, и се внезапно поидоша Татарове. Он же, отложив всю печаль, глаголя: Господи, услыши молитву мою и не вниди в суд с рабом своим, яко не оправдится пред тобою всяк живой, яко погна враг душу мою. И пакы второе помолися: Господи боже мой, на тя уповах, и спас(и) мя и от всѣх гонящих избави мя.

Л. 162 об. (1237 г.)

И се рек абье без милости убьен бысть. И повержену на лѣсѣ...

¹⁰ Восстановлено по РА.

¹¹ РА нет «и».

¹² А «видите».

¹³ Восстановлено по РА.

¹⁴ РА нет «и».

¹⁵ Эту параллель, мною не замеченную, я заимствую из работы: В. Л. Комарович Древнерусское областное летописание. ..., стр. 205.

^{15a} За указание этой параллели благодарю В. А. Кучкина.

10. Для нижеследующего описания похорон Василька и его характеристики сделан ряд дословных заимствований из статей 1206, 1125, 1218 и 1175 гг.:

Л. 142 об. (1206 г.)

...рыдаху же народа множество народа правовѣрных, зряще отца сирым и кормителя отходяща и печальным утѣшене великое, омраченным звѣзду свѣтоносу заходящую. На весь бо баше церковный чин отверзл ему бог сердечнѣи очи, и всѣм церковникам и нищим и печальным яко же възлюби ны баше отець, паче же и на милостыню...

Л. 97 об. (1125 г.)

...помяная слово господне, глаголющее: Блажени милостивии, яко ти помиловани будут...

Лл. 142 об.—143 (1206 г.)

И Соломон глаголет: Милостынею и вѣрою очищаются грѣси. Мужство же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста... (ср. л. 124, 1175 г.: мужство же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста).

Л. 125 (1175 г.)

(Андрей Боголюбский) кровью мученичскою омывшеся¹⁶ прегрешении своих с братама...

11. Вступление в 1238 г. князя Всеволода Ярославича на престол великого княжения Владимирского описано словами рассказа о вступлении в 1206 г. на новгородский стол князя Константина Всеволодича:

Л. 143 (1206 г.)

...и потом поча ряды правити, яко пророк рече: Боже, суд твой ц(е)с(а)р(е)ви дажь, и правду твою сынови ц(е)с(а)р(е)ви — судити людем твоим в правду и нищим твоим в суд. (...) И потом утвердися в своем ч(е)стнѣм княженнѣи.

Л. 163 об. (1238 г.)

...и поча ряды рядити, яко пророк глаголет: Боже, суд твой ц(а)р(е)ви дажь, и правду твою сынови ц(е)с(а)р(е)ви — судити людем твоим в правду и нищим твоим в суд. И потом утвердися в своем ч(е)стнѣм княжении.

12. Максимальная в повести концентрация заимствований — в «похвале» князю Юрию Всеволодичу, помещенной вслед за сообщением о его похоронах. Как писал Б. Л. Комарович, «свои черты передали Юрию, под пером Лаврентия, св. Борис и Глеб, Владимир Мономах и Андрей Боголюбский, Всеволод и его княгиня, наконец, даже одновременно с Юрием убитый Василько».¹⁷ Сравним:

Л. 97 об. (1125 г.)

(Владимир Мономах) сын благовѣрна отца Всеволода, украшени добрыми нравы (...) се же чюдный князь Володимер потцася божья хранити заповѣди и божи страх прис(но) имѣя в с(е)рдци, помяная слово господне, иже¹⁸ рече: О семь познають вы вси ч(е)л(о)в(е)ди, яко мои уч(е)н(и)ци, аще любите друг

Лл. 163 об.—164 (1239 г.)

Бѣ Юрьи, сын благовѣрнаго отца Всеволода, украшен добрыми нравы, их же имена в малѣ повмы. Се бо чюдный князь Юрьи потцася божья заповѣди храниги и божи страх прис(но) имѣя в с(е)рдци, помяная слово господне еже рече: О семь познають вы вси ч(е)л(о)в(е)ди, яко мои уч(е)н(и)ци есте, аще любите друг друга.

¹⁶ РД «омывся».

¹⁷ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 93.

¹⁸ РД «еже».

друга и любите врагы ваша и добро творите ненавидящим вас. Вся бо зломыслы его вда бог... добро творяше врагом своим, отпущаше я¹⁹ одарены...

Л. 136 об. (1186 г.)

Всеволод же не всхотѣ мира их, яко пророк глаголетъ: брань славна луче есть мира студна. С лживым же миром живуще, велику пакость землям творятъ.

Л. 133 (1185 г.)

Бог бо казнить рабы своя напастыи различными (...) да явятся яко злато искушено в горниль: хр(и)с(т)ьяном бо многими напастыи внити в ц(а)рство н(е)б(е)сное, но²⁰ нужници всъхытають е.

Л. 124 (1175 г.)

Андрѣю, мужьству тезоимените (...) кровью омывъся страданья ти; аще бо не напастъ, то не вѣнецъ, аще ли не мука, ни дарове. Всякыи бо, держася добродѣтели, не может без многих враг быти.

Лл. 97 об.—98 (1125 г.)

Милостив же бяше паче мѣры, поминая слово господне, глаголющее: блажени милостивни, яко ти помиловани будут (...). Тѣмъ и не щадяше имѣнья своего, раздавая требующим и церкви зижа и украшая. Чтяшетъ же излиха чернецьскыи чин и поповскыи, подавая им еже на потребу (...).

Тѣмъ и бог вся прошенья его свершаше, и исполни лѣта его в доброд(е)ньствѣ. И посѣдѣ в Киевѣ на отни столѣ 13 лѣт, и в лѣто 6633 от начала миру преставися...

Л. 124 (1175 г.)

... украси ю иконами безъцѣвннами.²¹

Л. 135 об. (1186 г.)

Се же и²² здѣяся грех ради наших...

Л. 133 (1185 г.)

Но не предажь²³ нас до конца имени твоего ради святаго и не остави милости твоея от нас.

13. И наконец, последние сообщения о военных действиях татар на Руси тоже не самостоятельны по форме; но здесь мы встречаемся уже со случаями обращения к тексту самого рассказа о Батыевой рати Лаврентьевской летописи:

¹⁹ РА нет «я».

²⁰ А «и».

²¹ За указание этой параллели также благодарю В. А. Кучкина.

²² РА нет «и».

²³ РА «не предаи же».

Не токмо же друг друга, но и врагы ваша любите и добро творите ненавидящим вас. Всяк зломысл его. Преже мѣнены безбожныи Татары отпущаше одарены (...).

Он же того не хотяше, яко пророк глаголет: брань славна луче есть мира студна. Си бо безбожнии, со лживым миром живуще, велику пакость землям творятъ (...).

Бог бо казнить напастыи различными, да явятся яко злато искушено в горниль: хр(и)с(т)ьяном бо многими напастыи внити в царство н(е)б(е)сное и нужници всъхытають е.

Георгие, мужьство тезоимените, кровью омывъся страданья ти. Аще бо не напастъ, то не вѣнецъ, аще не мука, ни дарове. Всякыи бо, держася добродѣтели, не может без многих враг быти.

Милостив же бяше паче мѣры, поминая слово господне: блаж(е)нии милостиви, яко ти помиловани будут. Тѣмъ и не щадяше имѣнья своего, раздавая требующим, и церкви зижа и украшая иконами безъценными (...).

Чтяшетъ же излиха чернецьскыи чин и поповскыи, подаая им еже на потребу. Тѣмъ и бог прошенья его свершаше, исполни лѣта его в доброд(е)ньствини. И посѣдѣ в Володимерѣ на отни столѣ лѣт 20 и 4, а на 5-е убыен бысть от безбожных и поганых татар. Се же все сдѣяся грѣх ради наших. Но не предай же нас до конца имени твоего ради святаго и не остави милости твоея от нас.

Л. 160 (1237 г.)

Тое же зимы взяша Москву Татарове, и воеводу убиша... а люди избиша... а град и церкви святых огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша, и много имѣнья вѣзеше, отидоша.

Л. 160 об. (1237 г.)

...взяша Суждаль и святу Богородицу разграбиша, и двор княжь огнем пожгоша, и монастырь святого Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша (...) то все ведоша в станы свое...

Л. 142 (1203 г.)

Гору взяша, и митрополью святую Софию разграбиша, и монастыри всѣ иконы одраша, а инѣ поимаха, и кресты честныя, и ссуды священныя...

Л. 164 об. (1239 г.)

Того же лѣта (та) Татарове взяша Переяславль Рускыи, и епископа убиша и люди избиша, а град пожьгоша огнем, и люди, и, полона много вѣзеше, отидоша (...) Того же лѣта взяша Татарове Чернигов. Князи их выѣхаша в Угры. А град пожегше и люди избиша, и монастырь пограбиша, (...) а сами идоша в станы своѣ. (...) Того же лѣта на зиму, взяша Татарове Мордовскую землю, а Муром пожгоша, и по Клязьмѣ воеваша, и град святых Богородица Гороховець пожгоша, а сами идоша в станы своя (...)

Л. 164 об. (1240 г.)

Того же лѣта взяша Киев Татарове и святую Софию разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы, и кресты честныя, и вся узорочья церковная...

В последнем случае, я думаю, перед нами, может быть, уже и не заимствование, а повторение запомнившегося: тот, кто работал над повестью, мог в конце концов просто усвоить как формулу эту цепь глаголов: ...взяша...убиша...избиша...пожгоша...идоша...ведоша...разграбиша.

2

Относительно занимающей нас части Лаврентьевской летописи М. Д. Приселков считал, что она передает ростовский свод 1239 г., где, по мнению ученого, были слиты «ростовский летописец Константина и его сыновей, который оканчивался описанием смерти от руки татар ростовского князя Василька (1237)» и «владимирский великокняжеский свод Юрия, который кончался описанием гибели последнего на р. Сити»,²⁴ точнее же «некрологом Юрию, помещаемым теперь под 1239 г. и связываемым с описанием перенесения тела Юрия из Ростова во Владимир».²⁵

Зная, как создан охватывающий статьи 1237, 1238 и 1239 гг. рассказ о Батыевом нашествии, согласиться с мыслью М. Д. Приселкова о двусоставности этого повествования можно лишь с оговоркой, что при слиянии оригинальных частей они были столь коренным образом переделаны (и переделаны одной рукой), что от прежнего их вида почти ничего, кроме имен князей, не осталось.

«... как бы ни относиться к вопросу о Юрьевом своде в целом, — писал об одной из мыслимых М. Д. Приселковым составных частей повести В. Л. Комарович, — доведение его до рассказа о Батыевой рати следует со всей решительностью отвергнуть. Возникший и пополнявшийся погодными записями несомненно во Владимире, как мог этот свод пресечься не до, а после рассказа о той катастрофе, которая сама пресекла владимирское летописание вообще, по наблюдениям того же М. Д. Приселкова, по крайней мере на три десятилетия».²⁶

Касаясь способа, каким создана посмертная «похвала» князю Юрию,

²⁴ М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста). — Ученые записки Ленинградского гос. университета, № 32, серия исторических наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 123.

²⁵ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 88.

²⁶ В. Л. Комарович. Древнерусское областное летописание..., стр. 178—179.

В. Л. Комарович говорит, что здесь виден «литературный прием во всяком случае не современника. Задачу исторической реабилитации современник выполнил бы, конечно, иначе. Только у биографа из другой эпохи могло оказаться в распоряжении так мало подлинных фактов о реабилитируемом лице. Из всей „похвалы“ ведь только вставку о строительной деятельности Юрия можно признать за конкретный признак данного исторического лица, да и то слова „грады многи постави“ имеют в виду не столько факты, сколько далеко отстоящую от них по времени возникновение легенду. А все остальное — просто перенесенные на Юрия отвлеченные признаки чужих книжных характеристик».²⁷ Но и то единственное, что В. Л. Комарович счел «конкретным признаком данного исторического лица», таковым, как обнаружил А. Н. Насонов, не является: «Если автор напоминает о постройке Юрием Новгорода Нижнего, то потому, что это был единственный „город“, о постройке которого Юрием рассказывала летопись, а об основании Благовещенского монастыря — потому, что о каких-либо других монастырях (построенных Юрием) летопись вообще не говорила».²⁸ Значит, совершенно все, что сказано в «похвале» о Юрии, почерпнуто не из жизни, а из летописных текстов.

Как мы видели выше, прием заимствования, говоря словами В. Л. Комаровича, «у Лаврентия „похвалой“ не ограничивается; он распространяется и на весь предшествующий рассказ о самом нашествии».²⁹ Насколько я знаю, ни одна из древнерусских повестей не имеет такого и даже просто сопоставимого с повестью о Батыевой рати Лаврентьевской летописи процента заимствований. Повторяю, все это повествование написано или коренным образом переработано одной рукой.

А. Н. Насонов не согласился ни с датой М. Д. Приселкова (1239 г.), ни с датой В. Л. Комаровича (1377 г.). По его мнению, часть текста, включающая повесть о Батыевом нашествии, возникла в итоге присоединения ростовского летописного материала к владимирскому с одновременной переработкой последнего в начале 80-х годов XIII в.³⁰ Таким образом, он поддержал мысль М. Д. Приселкова о двусоставности повествования, но, как и В. Л. Комарович, вынужден был признать его итогом какой-то переработки первоначального материала. «Переработка делалась с целью показать читателю братское единение князей, дать образцы княжеского согласия и взаимной любви»;³¹ редактор «преследовал цель показывать в прошлом сцены согласия и по мере возможности не показывать распрей», он хотел «только говорить не о разногласии, а о согласии между князьями»;³² составитель пояснял, что «воздвигнуть междоусобную рознь стремится дьявол, который хочет, чтобы в вечной муке пребывал не он один, но и люди».³³

В свое время А. А. Шахматов сделал вывод об общерусском характере Лаврентьевской летописи: «Составитель лежащего в основании Лаврентьевской летописи свода задался целью собрать в одно целое летописные

²⁷ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 93.

²⁸ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. — Проблемы источниковедения, № 11, М., 1963, стр. 455, прим. 51.

²⁹ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 92.

³⁰ Владимирский летописный материал в первоначальном, по его мнению, виде А. Н. Насонов выделил по кусочкам из Московского свода 1479 г., см.: А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в.

³¹ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись..., стр. 450.

³² Там же, стр. 474.

³³ Там же, стр. 475.

записи Владимира, Новгорода, Твери, Рязани, Чернигова, Смоленска и других русских городов, т. е. дать общерусский по характеру своему летописный свод».³⁴ Теперь к этому выводу А. А. Шахматова присоединяется вывод А. Н. Насонова об общерусской тенденции и текста Лаврентьевской летописи за XIII в.

Против мысли А. А. Шахматова о существовании общерусского полихрона начала XIV в. (который отразился в Лаврентьевской летописи и придал ей общерусский характер) решительно возражал М. Д. Приселков: летописание начала XIV в. не могло иметь общерусского характера, ибо ни объективных возможностей для объединения Руси, ни сколько-нибудь заметной объединительной общественной силы в то время еще не было. Если так, то еще более невозможна подобная тенденция в летописном своде конца XIII в. И вместе с тем и общерусский характер, и общерусская тенденция в тексте Лаврентьевской летописи очевидны. Стоит отметить, что сам А. Н. Насонов о конце XIII в. говорил лишь предположительно: поскольку ростовский материал кончается 1281 г., поскольку Ростово-Суздальская земля не чужда была в то время литературной жизни и поскольку тогда не было недостатка в межкняжеских крамолах и усобицах, постольку «именно в это время и могла быть произведена та переработка владимирского текста первых десятилетий XIII в. на ростовском материале, о которой мы говорили выше».³⁵ Однако условия, о которых пишет А. Н. Насонов, лишь необходимые, но далеко не достаточные. При отсутствии или зачаточной слабости центростремительных сил в жизни подобная тенденция не могла появиться в летописном своде.

Конечно, летописцы во все времена летописания призывали князей к миру и единству, а не к розни и вражде. Но в разные времена это делалось с большей или меньшей энергией — в зависимости от обстоятельств и большей или меньшей силы объединительного течения в обществе. Составление в эпоху политической раздробленности и раздробленности летописания свода общерусского по содержанию и по тенденции — признак наличия весьма влиятельной объединительной общественной силы. Что касается второй половины XIV в., эпохи Куликовской битвы (всего за три с половиной года до этой битвы была написана Лаврентьевская летопись!), то сомневаться в существовании мощного объединительного течения на Руси в это время не приходится. Значит, исторически более вероятно время переделки, указанное В. Л. Комаровичем, — 1377 г. Об этом же времени, как мы говорили выше, свидетельствует и кодикологический анализ Лаврентьевской летописи.

3

В чем же состояла переделка повести?

Мы не можем быть уверены, что, вычтя, изъяв из нее мозаичную треть, т. е. все заимствованные кусочки, мы получим исходный материал, которым располагали в начале своей работы редакторы. Эта мозаика, конечно, лишь один из результатов переделки текста. Приданная всей повести общерусская тенденция, о чем писал А. Н. Насонов, — тоже результат переделки. Получить полное представление о редакторской работе мы могли бы, сравнив текст Лаврентьевской летописи с тем, которым располагал сам Лаврентий. Но где же взять или хотя бы искать этот текст?

³⁴ А. А. Шахматов. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи. Б. м., 1902, стр. 55.

³⁵ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись. . . , стр. 453.

В соответствующих по содержанию повествованиях ряда других летописей В. Л. Комарович заметил места, с которыми рассказ Лаврентьевской контрастирует по тону и смыслу столь явно, что естественным образом кажется, что контраст этот был создан сознательно. От которого из этих повествований отталкивался редактор? По мнению В. Л. Комаровича, текст Воскресенской летописи представляет собой как раз то, что читалось в протографе Лаврентия. Это далеко не бесспорно: текст Воскресенской летописи через Московский свод конца XV в. и через Софийскую I летопись восходит к рассказу о Батыевой рати, созданному (скомпилированному), по-видимому, где-то в первой половине XV в. А этот рассказ в свою очередь базируется на трех источниках, сохранившихся: 1) Лаврентьевской летописи, 2) Новгородской I летописи младшего и (не полностью) старшего изводов и 3) Ипатьевской летописи. «Таковы три первоначальные летописные традиции в изображении этих событий: северо-восточная, южная и северная», — пишет, убедительно доказывая их независимость, А. Н. Насонов.³⁶ Отсюда следует, что текста, который мог быть в Лаврентьевской до переделки, в ее первоначальных XXI и XXII тетрадах, мы не знаем.

Однако, если, по мысли В. Л. Комаровича, редаKTура Лаврентия имела публицистический характер, то совершенно ведь не обязательно, чтобы этот его новый текст полемизировал с тем, который он заместил. Вполне и даже более вероятно обратное, а именно, что первоначальный вид рассказа уже представлял удобства для создания нужной публицистической направленности. Это лишь поправки к оформлению мысли В. Л. Комаровича (не затрагивающие ее сути), что рассказ Лаврентьевской летописи явно «контрастирует» с иными летописными текстами. Но так как составного повествования Воскресенской летописи в XIV в., кажется, еще не существовало, речь здесь может идти только о Новгородской I и Ипатьевской летописях. Сравним же соответствующие места этих летописей.

Ипатьевская летопись, сообщив о совещании русских князей в 1223 г., когда они, узнав от половцев о первом приближении татар, решили совместно выступить им навстречу, добавляет: «Юрья же князя великого Суждальского не бы в том свѣтъѣ»; и чуть ниже: «Василка же не бѣ, бѣ бо в Володимерѣ млад». ³⁷ Оттого что русские князья были разбиты в сражении на Калке, специальное упоминание тех, кто не принял участия в походе, выглядит как обвинение. А согласно Лаврентьевской летописи, собравшиеся в Киеве князья «послашася в Володимерь к великому князю Юргю, сыну Всеволожу, прося помочи у него. Он же посла к ним благочестивого князя Василька, сыновца своего, Костянтиновича, с ростовци. И не утяну (не успел, — Г. П.) Василко прити к ним в Русь»; и дальше, после краткого сообщения о разгроме русских войск: «Се же слышав Василко, приключышеся в Руси, възвратися от Чернигова, схранен богом и силою креста честнаго и молитвою отца своего Костянтина и стрья своего Георгия, и вниде в свои Ростов, славя бога и святую богородицу (л. 153 об.). Здесь, как видим, нет и тени обвинения; напротив, Юрий Всеволодич откликается на просьбу и посылает своего племянника с его войсками. Тот же вовсе не «бѣ в Володимере млад», а спешил на помощь, но запоздал, и притом не по собственной вине, а по вышнему промыслу, его берегущему.

В Новгородской I летописи князь Юрий Всеволодич обвинен прямо и резко в неказании помощи в 1237 г. Рязани. По рассказу этой ле-

³⁶ Там же, стр. 442.

³⁷ Эта и дальнейшие цитаты из Ипатьевской летописи см.: ПСРЛ, т. 2, СПб., 1908, стлб. 741, 778—782.

тописи, тагары, подойдя первым делом к Рязани, потребовали дани и покорности от ее князей; получив отказ, они отправили послов во Владимир. Одновременно «послаша же рязаньстии князи к Юрию Володимирьскому. просяче помочи или самому пойти. Юрьи же сам не поиде, ни послуша князий разанских молбы, но сам хотѣ особѣ брань створити».³⁸

Соответствующее место Лаврентьевской летописи не содержит даже намеков на посольство к Юрию Всеволодичу, — в противном случае распалась бы картина «братского единения князей». Но «похвала» князю Юрию обнаруживает осведомленность ее автора об одном из посольств — татарском: Юрий Всеволодич «безбожнѣя Татары отпушаше одарены, бяхуть бо преж прислали послы своѣ зли ти кровопиици, рекуще: мирися с нами». Причем, надо сказать, это одна из двух оригинальных, ни откуда не заимствованных фраз «похвалы». Не исключено, что сообщения о посольствах к князю Юрию были в начале повести, но убраны ее редактором.

Условия мира, предложенные татарскими послами князю Юрию Всеволодичу, должны были быть такими же, как те, что они предлагали рязанцам и вообще всем, кого хотели подчинить: дань и покорность. «Дары» князя Юрия татарам («Татары отпушаше одарены») и были, по всей видимости, требуемой данью. Но редактор-компилятор сумел этот факт использовать как свидетельство не малодушия и близорукости великого князя владимирского, а исполнения им заповеди любить не только друзей, но и врагов.

Беспокоясь, видимо, за свои владения, несмотря на обещания татар их не трогать, князь Юрий Владимирский «посла Еремея в сторожих воеводу», говорит Новгородская I летопись. В Лаврентьевской же нет этого показательного «в сторожих», а сказано: «Поиде Всеволод, сын Юрьев, внук Всеволожь, противу татаром, и сступишася у Коломны...» (л. 160). Дело предстает таким образом, будто Юрий выслал помощь Рязани, но рать не дошла до нее, так как встретилась с татарами уже у Коломны.

Решимость великого князя Юрия Всеволодича драться с татарами подчеркнута в «похвале» Лаврентьевской летописи как главная и определяющая героический характер его жизни и смерти черта. Татары будто бы предлагали ему мир, но он сам «того не хотяше», ибо, как говорит пророк: «Брань славна луче есть мира студна». Здесь же объяснение, почему мир с татарами «студен»: «Си бо безбожни, со лживым миром живуше, велику пакость землям творять». И непосредственно вслед за этой оценкой татарской политики автор-редактор уже от себя, ниоткуда не заимствуя, добавляет: «Еже и здѣ многа зла створиша». Эта вторая и последняя оригинальная фраза «похвалы». Благодаря ей от обстоятельств, о которых идет рассказ, к обстоятельствам «авторского» места и времени перебрасывается некий мысленный мостик. Очевидно (и это крайне любопытно), что для редактора рассказа — все равно, принадлежит ли ему эта фраза или он ее сберег от оригинала — война Руси с татарами вполне мыслима и похвальна. Это очень важно. К всероссийскообъединительной тенденции редактуры повествования Лаврентьевской летописи можем добавить еще одну — активную анти татарскую.

Рассказав о столкновении у Коломны, Новгородская I летопись добавляет: «Москвичи же побегоша, ничто же видѣвше». И больше ничего о Москве или москвичах. В XIII в. Москва была еще незначительным

³⁸ См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова, М.—Л., 1950, стр. 74—75 (старшего извода), стр. 286 (младшего извода).

городком, и, поскольку ничего примечательного там не случилось, писать о ней было нечего. Это понятно. Лаврентьевская же посвящает взятию Москвы особый рассказ, наполовину состоящий из описания действий в Византии в X в. дружины князя Игоря, как было показано выше. Сказать о Москве редактору было почти нечего, а сказать, стало быть, хотелось. Это стремление едва ли правдоподобно объяснимо применительно к XIII в. — равно к 30-м или к 80-м годам, но совершенно естественно во второй половине XIV в. Примечательно также, что гибель московского воеводы трактована в Лаврентьевской летописи как мученичество за веру: «взяша Москву Татарове, и воеводу убиша, Филипа Нянка, за правовѣрную христьянскую вѣру» (л. 160). Это несомненная неправда: при взятии татарами сходу города у воеводы этого города были все причины погибнуть, кроме одной — вероисповедной.

Изучая кодекс Лаврентьевской летописи и судя по особенностям чередования так или иначе разлинованных листов, по местам вторжения в рукопись третьего почерка и пробелов и по вклейке листов, я пришел к выводу, что листы 158—161 заменялись в рукописи дважды. Значит, дважды переделывалась первая часть повести. О характере вторичной переделки я мог сказать лишь то, что текст был в сравнении с предшествующим ему укорочен, так как лист 161, последний лист этой части, содержит значительно меньший, чем обычно на листе Лаврентия, текст.

Большую часть интересующего нас места занимает начинающийся сразу же за периодом, посвященным Москве, рассказ о случившемся в 1237 г. с городом Владимиром (лл. 160—161 об.), причем версия Лаврентьевской имеет существенные смысловые отличия от рассказа о том же Ипатьевской летописи. Согласно Ипатьевской, оборона владимирцев была прекращена в первый же день князем Всеволодом, сыном оставившего город Юрия: «Тотаром же пороки град бьющемь, стрелами бещисла стрѣляющим, се увидѣвъ князь Всеволод, яко крѣпчѣ брань належить, убояся. Бѣ бо и сам млад. Сам из града изииде с малом дружины и несы с собою дары многии, надѣяше бо ся от него живот прияти. Он же, яко свѣрпыи звѣрь, не пощади уности его: велѣ пред собою зарѣзати. И град в(е)сь избѣе». Малодушие Всеволода Юрьевича резко оттеняется помещенным несколькими строками ниже рассказом о семи неделях сопротивления завоевателям жителей града Козельска во главе с их — тоже молодым — князем Василием. Эти люди «ум крѣпкодушныи» имели, и Батю «словесы лестными не возможно бѣ град прияти».

В Лаврентьевской же летописи не сказано о капитуляции города Владимира и гибели Всеволода (равно как и об обороне Козельска). Однако северо-восточный летописец-современник не мог не знать об этом немало важном для темы рассказа событии. И, как мы увидим, действительно знал. Согласно Лаврентьевской, взятие Владимира обстояло гораздо менее безотраднo: внешние укрепления, стены «нового града», татары преодолели с боем, «по примосту». После этого «бѣжа Всеволод и Мстислав и вси людье бѣжаша в Печернии город». Не говоря больше о «Печернем» (?) городе и князьях, рассказчик сразу переходит к гибели епископа, матери Всеволода, его жены, сестры, бояр и прочих людей, в поисках спасения укрывшихся в храме. Всеволода в храме не было.

О правильности версии Ипатьевской летописи и о том, что редактор рассказа прекрасно знал, как погиб Всеволод, и, следовательно, сознательно выпустил эту часть повествования (как, вероятно, и ту, где говорилось о посольствах к великому князю Юрию), становится ясно из фразы на л. 162: «приде вѣсть к великому князю Юрью: Володимѣрь взят (...), а старѣишая с(ы)на, Всеволод с братом, внѣ града убита».

Таким образом, по умолчаниям и оговоркам рассказа находим объяснение факту сокращения повествования и появления вследствие этого пробела на обороте существующего в рукописи 161-го листа. Это объяснение хорошо согласуется с тем, что мы уже знаем о тенденциозности редактора, и вместе с тем добавляет к нашим о ней представлениям новый штрих: редактор стремился убрать примеры малодушия и показать бесстрашие в борьбе с татарами князей и воевод, как-то связанных, помимо Москвы (что мы видели выше), с Владимиром (о Козельске — такой хороший пример! — он не говорит).

Четвертый город, о взятии которого татарами — наряду с Рязанью, Москвой и Владимиром — рассказывает Лаврентьевская летопись (л. 160 об.), и рассказывает исключительно несамостоятельно, перефразируя, как было выше показано (пункт 4), статью 1203 г., — это Суздаль. О Суздале редактор тоже хотел что-нибудь сказать, но не имел ничего своего — никаких собственных сведений и впечатлений. Стало быть, географически круг интересов редактора повести о Батыевом нашествии определяется не самими событиями завоеваний и включает лишь Рязань (в небольшой мере), Москву, Владимир и Суздаль. Будь эта повесть оформлена в Ростове, наверное, здесь больше говорилось бы о судьбе Ростова, чем: «и ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городецъ».

Касаясь поведения и гибели великого князя Юрия Всеволодича, Новгородская I летопись сообщает, что при приближении татар к Владимиру он «бѣжа на Ярославль», а затем незаметно был окружен татарами и, узнав об этом, «не успѣв ничто же, побѣже. И бысть на рѣцѣ Сити, и постигоша ѿ, и живот свои сконча ту. Бог же вѣсть, како скончася; много бо глаголють о немъ инии». Сходно повествует Ипатьевская: «Не имѣюшу сторожий, извѣхан бысть безаконнымъ Бурондаема. В(е)сь город изогна, и самого князя Юрья убиша».

Согласно же рассказу Лаврентьевской летописи, князь Юрий Всеволодич, находясь на р. Сити и узнав о падении Владимира и о приближении татар, заплакал «по правовѣрнѣй вѣрѣ христьянстѣй», помолился и «с мужи своими поидоша противу поганымъ. И бысть сеча зла. И побѣгоша наши пред иноплеменикы. И ту убьен бысть князь Юрьи» (л. 162—162 об.). Здесь, таким образом, князь сам выступает «противу поганымъ» и погибает «в сѣчѣ злой» как защитник христианства.

Совершенно наподобие древних христиан-исповедников гибнет захваченный в этом бою татарами в плен князь Василько Ростовский (о его смерти сообщает только Лаврентьевская). Татары принуждают его следовать «обычаю поганьскому, быти в их воли и воевати с ними»; он же отказывается изменить своей религии и перед смертью произносит прочувствованный монолог («никако же мене не отведете христьянское вѣры...») и несколько молитв. Думается, что отождествление покорности татарам с изменой христианству принадлежит (как и монолог и молитвы) редактору XIV в., когда татары уже были мусульманами. В период же завоеваний они хотя и придерживались в основной своей массе «обычая поганьского», но миссионерством не занимались и к чужой вере относились если не толерантно, то безразлично. Однако не исключено, я думаю, что какие-то войсковые обычаи татар могли показаться Васильку Ростовскому несоместимыми с его христианством.

Как бы то ни было, страдалцами за веру предстают в Лаврентьевской летописи и московский воевода, и князя Юрий Всеволодич и Василько Константинович. Оба князя сознательно отказываются от «мира студна» с татарами, и в этом состоит их религиозный подвиг. Будучи чрезвычайно

благочестивыми людьми (это особо подчеркнуто в характеристике каждого из них), они и в последние решительные моменты жизни вспоминают епископа Кирилла. Мученической кровью своей князья «омываются», искупая совершенные ими в жизни прегрешения, и тем самым избегают будущих страданий. Народ оплакивает князей как страстотерпцев-подвижников. Тела погибших епископ переносит в Ростов, и то, что они опять оказываются рядом, рассказчик трактует как знак особой божьей к ним милости: «Се бо и чудно бысть, ибо и по смерти совокупи бог телеси ею»³⁹ (л. 163). По рассказу Лаврентьевской летописи, дружная борьба с татарами — пусть даже неудачная — богоугодное, святое, спасительное дело.

Обогащаем этой чертой наши представления об идеалах редактора, и перед нами проявляется утопическая картина крестоносной борьбы сплоченных церковью русских князей против татар.

В ходе кодикологического анализа Лаврентьевской летописи выяснилось, что при переделке XXI и XXII тетрадей была проделана значительно большая работа, чем то требовалось для переработки только повести о Батыевом нашествии; отсюда был получен вывод, что, кроме повести, редакторы коснулись и предшествующего ей рассказа о появлении татар в 1223 г. и о битве на Калке. Теперь, сравнивая летописи, мы видим, что первая часть первого рассказа Лаврентьевской о татарах (со слов «Того же лѣта явишася языци, их же никто же добръ ясно не вѣсть...» и до слов «и придоша близъ Руси, иде же зоветься вал Половечскый» включительно, — л. 153—153 об.) за редким исключением дословно тождественна с началом соответствующего рассказа Новгородской I летописи (со слов «Того же лѣта по грѣхом нашим придоша языци незнами, их же добръ никто же не вѣсть...» до слов «и придоша близъ Руси, иде же зоветься вал Половечскы» включительно, — лл. 95 об.—96 об.). Какой же из этих текстов зависит от другого?

В Новгородской I летописи это пространное рассуждение о том, кто такие татары, представляет собой неторопливое начало большого обстоятельного рассказа (лл. 95 об.—99 об.) о случившемся в 1223 г., причем конец этого рассказа перекликается с началом («И не съвѣдаем, откуда суть пришли и кдѣ ся дѣша опять. Бог вѣсть, отколе приде на нас за грѣхы наша»). В Лаврентьевской же летописи то же самое начало составляет большую часть неоднородного рассказа: сразу по окончании совпадающего с Новгородской I отрывка изложение меняет свой характер и становится кратко информативным, так что стилистический контраст очевиден. Тут же в Лаврентьевской летописи следует созданное, на наш взгляд, редактором 1377 г. оправдание Василька Константиновича в том, что он не пришел на помощь русским князьям («не утяну» — не успел), имеющее в виду, как мне кажется (об этом шла речь выше), замечание о Васильке Ипатьевской летописи («Василка же не бѣ, бѣ бо в Володимерѣ млад»). Рассказ о появлении татар и о битве на Калке в Новгородской I летописи, несомненно, более целен и по отношению к Лаврентьевской первичен. Выше было показано, что повествование Лаврентьевской о Батыевой рати откровенно контрастирует с соответствующими повествованиями Ипатьевской и Новгородской I летописей. Совпадение текстов, о котором сейчас шла речь, убеждает в том, что редакторы 1377 г. действительно имели во время работы перед глазами текст Новгородской I летописи, и, значит, этот контраст не случаен.

³⁹ Это место тоже несамостоятельно: здесь ощущается если не текстуальное, то смысловое влияние рассказа о посмертном «сѣвкуплении тѣлом» святых Бориса и Глеба в статье 1015 г. (л. 47), — отсюда редактор обильно черпал материал.

Обдумывая при кодикологическом анализе возможности возникновения особенностей 167-го листа (лист вклеен в рукопись, текст покрывает его не целиком, оставляя в конце значительный пробел, и написан этот текст не Лаврентием, а его сотрудником, непрофессиональным писцом, в котором я склонен видеть епископа Дионисия Суздальского), я пришел к выводу, что, будучи несомненно «стыковым», связующим написанные в обратном порядке части текста, этот лист может, кроме того, сам содержать переданный текст (и отсюда склейка его с парным листом, 166-м). Совпадение ли, что как раз на этом листе появляется — впервые после окончания рассказа о Батыевом завоевании — откровенная «антитатарская» тема? На обороте 167-го листа в статье 1262 г. рассказывается о восстании против «бесурмен» в Ростове-Суздальской земле и об убитом тогда отступнике Изосиме: «Избави бог лютаго томленья бесурменьскаго люди Ростовския земля, вложи ярость в с(е)рдца крестьяном, не терпяще насилья поганых... (татары) велику пагубу людем творяхуть... души кр(е)стьяньския раздно ведоша. Видѣвше же ч(е)л(о)в(ѣ)колюбець бог, послуша моленья М(а)т(е)рня, избави люди своя от великия бѣды (...)

Этот рассказ, как и саму повесть о татарском нашествии, А. А. Шахматов считал вставленным в текст ростовской летописи.⁴⁰ По мнению Б. Д. Грекова (ничем, правда, не обоснованному), выражение чувств, сопровождающее это известие, принадлежит составителю Лаврентьевской летописи: «Составитель Лаврентьевской, — пишет Б. Д. Греков, — совершенно открыто сочувствует восставшим. Он утверждает, что сам бог на стороне протестующих против „лутаго томленья бесурменьскаго“».⁴¹

Знакомая нам уже по повести откровенность антитатарской с религиозным оттенком тенденции побуждает думать, что именно это место листа 167 обязано своим происхождением редактору 1377 г.

Таковыми наблюдениями над текстом летописи мы можем дополнить кодикологический анализ рукописи.

В целом редакторская работа над Лаврентьевской летописью, проделанная в момент ее изготовления, в 1377 г., имела, очевидно, целью дать читателю исторические примеры мужественной, вероисповедно-непримиримой борьбы христиан-русских с иноверцами-татарами.

4

Теперь надлежит устанавливаемый факт переделки летописного повествования поставить на свое место в историко-литературном процессе. Имея уже представление о побуждениях редактора, наиболее важным кажется понять, на какого читателя он рассчитывал.

В. Л. Комарович своей трактовке проблемы дал наряду с текстологическим обоснование историческое. Рассмотрим его.

В духе общей своей концепции о враждебности областных литератур наступающей Москве В. Л. Комарович полагал, что создателями Лаврентьевской летописи руководило стремление обособить Нижегородско-Суздальскую землю от Москвы, т. е. центробежная, сепаратистская тенденция. Глядя такими глазами на повесть о Батыевой рати, ученый увидел, что редактор стремился не по заслугам возвеличить князя Юрия Всеволодича, но не заметил объединительных и религиозно-антитатарских усилий редактора.

⁴⁰ А. А. Шахматов Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи, стр. 65.

⁴¹ Б. Греков и А. Якубовский. Золотая Орда. Л., 1937, стр. 175.

В. Л. Комарович справедливо, как мне кажется, считал инициатором всей работы «благословившего» ее епископа Дионисия Суздальского, дважды названного в приписке Лаврентия. Но он полагал, что летопись составлялась как документ (или черновик документа), на основании которого пять лет спустя, в 1382 г., Дионисий добился у патриарха в Константинополе учреждения в Нижегородско-Суздальском княжестве архиепископии (вместо епископии). Это повышение делало якобы нижегородского князя более независимым от московского.

«Когда-то считалось, — пишет по поводу такого рода объяснений Д. С. Лихачев, — что политические устремления памятника совпадают с его местными устремлениями. Теперь мы знаем, что в любой местности были различные общественные группы населения, имевшие различные тенденции».⁴²

В. Л. Комарович придает антимосковское значение величанию Дмитрия Константиновича «великим» (великим князем) в приписке Лаврентия и в надписи на сохранившемся серебряном кивоте Дионисия. Но ведь Нижегородско-Суздальское княжество действительно было «великим», т. е. объединяло ряд удельных княжений, точно так же как Московское, Рязанское, Тверское, Литовское княжества. Дмитрий Константинович и в летописях называется «великим князем».⁴³ Противопоставления Москве здесь нет (другое дело, если бы Дмитрий Константинович был назван великим князем В л а д и м и р с к и м или в с е я Р у с и!).

Отношения Нижегородско-Суздальского княжества с Московским в интересующее нас время были как никогда до и после мирными и тесносоюзническими. В 1364 г. Дмитрий Константинович Суздальский, отказавшись от ярлыка на великое княжение Владимирское в пользу Дмитрия Ивановича Московского, с его помощью отобрал у брата Бориса Нижний Новгород и после этого беспрекословно признавал политическое главенство московского князя. Нижегородско-Суздальское княжество стало одной из первых и главных составных частей образующейся вокруг Москвы великорусской политической системы. В 1366 г. великий князь Дмитрий Иванович женился на дочери Дмитрия Константиновича. Как раз эти годы, 1375—1377, наиболее важные для нас, были временем совместной московско-нижегородской антитатарской борьбы.⁴⁴

Дионисий был поставлен в суздальские епископы тем же митрополитом Алексеем, который способствовал вокняжению Дмитрия Константиновича в Нижнем Новгороде. Выходить из-под власти Алексея, при жизни которого была написана Лаврентьевская летопись, у Дионисия, насколько мы знаем, никакой нужды не было. А когда митрополит умер (12 февраля 1378 г.), все изменилось: началась «Митяева» смута, и в ней Дионисий принял очень деятельное участие. Борьба с местоблюстителем митрополичьего престола Митяем, ставленником московского князя, привела его в московскую тюрьму; оттуда он вышел с помощью Сергия Радонежского (который за него поручился) и, обманув князя Дмитрия Ивановича, бежал в Константинополь. В патриархате Дионисий был возведен в сан архиепископа, что сделало его более независимым. Борьба была столь динамичной и ситуация в ходе ее менялась так радикально, что для

⁴² Д. С. Лихачев. Текстология. (На материале русской литературы X—XVII вв.). М.—Л., 1962, стр. 282.

⁴³ «... преставися раб божий князь великий Дмитрии Константиновичь... бив на великом княжении (Владимирском, — Г. П.) два лета, а в своей отчинъ тако же на княжении на великом 19 лет...» (Рогожский летописец. — ПСРЛ, т. XV, вып. 1, Пгр., 1922, стлб. 148—149).

⁴⁴ Ср.: А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940, стр. 125—126.

«очень долгого периода обдумывания и всесторонней подготовки», который, как полагает В. Л. Комарович, предшествовал «осуществлению проекта в 1382 г.»,⁴⁵ никакой возможности не было.

Если бы, с другой стороны, при повышении Дионисия имела какое-нибудь значение Лаврентьевская или подобная ей летопись, соответствующая ссылака — в качестве одной из мотивировок решения — обязательно была бы сделана в патриаршей грамоте. Грамота эта сохранилась, и такой ссылки там нет.⁴⁶

Обратим также внимание на то, почему объяснение В. Л. Комаровича казалось неубедительным А. Н. Насонову: «Для доказательства прав на архиепископию, — пишет он, — потребовалась бы, вероятно, летопись, перешедшая за 1305 г., так как в начале XIV в. еще не существовало ни Нижегородско-Суздальского княжества (оно возникло в 1341 г., — Г. П.), ни Нижегородско-Суздальской епископии. К тому же не следует забывать, что в записи Лаврентия прямо сказано, что начал писать он рукописную книгу „князю великому Дмитрию Константиновичу“».⁴⁷

Действительно, мы не имеем права гадать, для каких читателей предназначалась Лаврентьевская летопись. В январе—марте 1377 г. по инициативе Дионисия Суздальского она создавалась для великого князя нижегородского Дмитрия Константиновича. Стало быть, изготовленные редактором образцы самоотверженной, дружной, религиозно-подвижнической борьбы русских князей с татарами предназначались именно для него.

* * *

Для чего же нужно было епископу давать князю такого рода высокие образцы?

За три года до создания Лаврентьевской летописи, в 1374 г., началось, по выражению Рогожского летописца, «розмирие» Руси с татарами.⁴⁸ Инициатором «розмирия» выступила Русь, точнее говоря — конфедерация возглавляемых Москвой княжеств. Обстановка в Орде, раздираемой междоусобной борьбой, благоприятствовала освобождению Руси, но Русь этими обстоятельствами воспользоваться для решительных действий не смогла, так как сама она стала в 1375 г. ареной междоусобной, московско-тверской войны. Тем не менее княжеская коалиция, хотя и ослабленная и уменьшившаяся, сохранилась. Основу ее составляла «ось» Москва—Нижний Новгород, а кроме того, в нее входили подчиненная Тверь и, судя по всему, Рязань. 1375—1376 годы были временем неустойчивого равновесия в русско-татарских отношениях: «розмирие» продолжалось, мира и зависимости не было, но не было и войны. Мамай тем временем успешно объединял под своей властью половецкую степь и угроза для Руси росла.

Такова была ситуация ко времени начала работы над Лаврентьевской летописью. Но она существенно изменилась к концу работы. Дело в том, что в конце зимы 1376—1377 г. состоялся первый — первый со времен завоевания Руси! — поход русских на татар. В XIV в. это, собственно, и единственный наступательный поход, ибо выступление в 1380 г. на Куликово поле было оборонительным — навстречу наступавшему Мамаю.

Поход этот был направлен на вассальный Мамаю волжский город Булгар. Семь лет назад, в 1370 г., Дмитрий Константинович Суздальский, «собрав воя многы», посылал на Булгар «брата своего князя Бориса и

⁴⁵ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 95.

⁴⁶ См.: РИБ, т. VI, СПб., 1880, № 231, стр. 199—204.

⁴⁷ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись..., стр. 445.

⁴⁸ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, Пгр., 1922, столб. 106.

сына своего князя Василия», но тогда он действовал не самостоятельно: с войском шел «посол царев именем Ачихожа».⁴⁹ Используя русскую военную силу, Мамай посадил тогда на болгарском престоле удобного ему человека. Теперь действовала коалиция русских князей и действовала независимо: «Князь великий Дмитрий Иванович (Московский, — Г. П.) посла князя Дмитрия Михайловича Волинскаго ратию на безбожных Българы, а князь Дмитрий Костянтинович Суждальский посла сына своего князя Василия и другаго сына своего князя Ивана, а с ними бояр и воевод и воя многы» (далее следует собственно рассказ об этом походе).⁵⁰ Значит, тот самый князь, которому предназначалась Лаврентьевская летопись, посылал своих сыновей в этот поход. 16 марта, когда работа над летописью близилась к концу (согласно приписке, летопись была закончена 20 марта), русские войска «приидоша к Българом».

Вспомним теперь о географо-политическом круге интересов редактора повести о Батыевом нашествии. Судя по тому, разорение каких городов он считал необходимым описать, хотя и не имел нужных сведений, этот круг ограничивался, как мы видели, Рязанью, Москвой, Владимиром и Суздалем. О разгроме Суздальской земли повесть говорит еще особо: «... и нѣсть мѣста, ни веси, ни сел таѣхъ редко, иде же не воеваша на Суждальской земли...» (л. 162). Великий князь Дмитрий Иванович, пославший в 1377 г. на Булгар Дмитрия Михайловича Волинского, был великим князем московским и владимирским, а Дмитрий Константинович, для которого предназначалась Лаврентьевская летопись и который послал на Булгар своих сыновей, — «суждальским». Эти два князя были главными в антитатарской коалиции. Описание разгрома татарами их владений должно было особенно сильно действовать как раз на их психику. С другой стороны, образы верных князей, героев повести о Батыевом нашествии, как раз для них двоих лучше всего могли служить образцовым примером. Хотя эти герои и гибнут (начинавшие в XIV в. антитатарскую борьбу князья должны были, разумеется, быть готовы и к такому исходу дела), ясно, что они, не капитулировавшие от страха, внутренне не поддавшиеся татарам, почти святые. Редактор — это очевидно — хотел духовно укрепить и побудить князей к решительным действиям в начинающейся освободительной борьбе с татарами.

Поход на Булгар был успешным: Мамат-Салтан и Асан, правившие там, капитулировали. Но не добыча, конечно, являлась главным результатом этого похода: важно то, что в 1377 г. русские сами начали, и начали удачно, воевать с татарами. Нам, я думаю, трудно сейчас просто представить себе ту гигантскую внутреннюю, общественно-психологическую работу, которая должна была предварить этот, по правде сказать, второстепенный и ничего внешне существенно не изменивший поход. «То были первые шаги открытой национально-освободительной борьбы, открытого сопротивления Мамаю, когда Нижний Новгород выступал совместно с Москвой. Оживилась надежда на освобождение и усилился интерес к прошлому».⁵¹ Интерес к прошлому в те годы должна была питать настоятельная общественная потребность переосмыслить историю завоевания татарами Руси, побороть уже почти столетий страх, научиться иначе, смело на них смотреть. Боящиеся не могли бы победить на Куликовом поле.

Где же литература, которая отвечала бы этой потребности, пересматривала бы прошлое, учила бы антитатарскому мужеству? Она должна

⁴⁹ Рогожский летописец. — ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стлб. 92.

⁵⁰ Там же, стлб. 116.

⁵¹ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись..., стр. 435.

была, не могла не появиться во время «розмирия», в 1374—1380 гг. Но могла, как мы видели, до сих пор оставаться неувиденной, непонятой исследователями (в этом можно видеть успех редактора: ведь и князь не должен был догадаться о переделке летописи).

5

Некоторые наблюдения о технике создания мозаичного повествования о Батыевом нашествии.

1. Как можно было видеть, текст заимствованных мест в повести в целом ряде случаев ближе к чтениям Радзивиловского и Академического списков (далее мы будем обозначать их как Р и А), нежели текст соответствующих статей самой Лаврентьевской летописи. Так, на л. 161 (см. выше, пункт 6) находим текст, которого нет под 1203 г. в Лаврентьевской (пропущен), но есть в Радзивиловском списке. Далее, например, в статье 941 г. Лаврентьевской: «воеваху... до»; в том же месте РА: «пленоваху... и до», и в рассказе о Батыевом завоевании: «плѣноваху и до». В статье 1093 г. Лаврентьевской: «бысть плачь велик в градѣ»; в статье 1237 г. и в РА: «бысть плачь велик в градѣ». В статье 1175 г.: «омывшеса», а в статье 1237 г. и в РА: «омыся». В статье 1125 г.: «отпущаше я одарены», а в статье 1239 г. и в РА «отпущаше одарены». В статье 1185 г.: «не предажь нас», а в статье 1239 г. и в РА: «не предаи же нас». Эти примеры (их можно значительно умножить, см. примечания 7, 10, 11, 12, 13, 14, 18, 20, 22) бесспорно показывают, что редактор или редакторы пользовались в своей работе над повестью о Батыевом нашествии не предшествующей частью Лаврентьевской летописи, а какой-то другой летописью, чтения которой иногда отличались от Лаврентьевской (не были, однако, полностью тождественны и с Р и А). Возможны два варианта: либо Лаврентий, обращаясь к тому же самому источнику, что и раньше, делал здесь меньше ошибок и потому передавал текст этого источника более точно, чем прежде, либо перед ним лежала не одна «книга» и в данном случае он прибег к другому списку летописи. (Допускаю, что специальное исследование могло бы показать, как обстояло дело).

2. Редакторы очень спешили. Только этим можно объяснить и то, что нам удастся понять «технологию» переделки рассказа, т. е. сам факт компиляции и ту небрежность, с какой проделана эта работа. Так, в одной из переписанных фраз (пункт 5) отсутствует сказуемое: «да негли встягнувшеса от пути своего злаго», тогда как в статье 1093 г. и в РА читаем: «да негли встягнувшеса вспомянемся от злаго пути своего». В другом случае (пункт 7) допущена явная бессмыслица: «И се нам сущюю радость скорбь...», тогда как в статье 1093 г. и в РА: «нанесе нам сущюю рать и скорбь...». В третьем же случае (пункт 12) списанным оказался потерявший смысл отрывок фразы: «Всяк зломысл его», тогда как в статье 1125 г. и в РА читается стройная фраза: «Вся бо зломыслы его вда бог...».

Наше умозаключение не может измениться от предположения, что в том списке летописи, откуда черпал редактор подходящий материал, были уже допущены эти бессмыслицы: если бы Лаврентий и его сотрудник не спешили, они могли бы заметить то, что замечаем мы, и исправить если не по другому списку, то по предшествующей части самой Лаврентьевской летописи. Но вот пример бессмыслицы, явно созданной самим редактором. Используя для похвалы Юрия Всеволодича относящиеся к Андрею Боголюбскому фразы, где писатель обыгрывает имя «Андрей» (по-гречески «мужественный»): «Андрѣю, мужьству тезоимените», Лаврентий, не за-

думываясь, пишет: «Георгие, мужество тезоимените». Второпях, конечно, он искажает даже смысл цитаты из Евангелия: «блажений милостиви» вместо «блажени милостивий».

Напомню, что уже кодикологический анализ Лаврентьевской заставил думать, что переделка летописи в части, содержащей повествование о татарском нашествии, произведена наспех. О том же говорит и сопоставление дат: 16 марта, как мы помним, сыновья нижегородского князя пришли под стены Булгара, а летопись была закончена уже 20-го. Если создание книги было как-то — прямо или косвенно — связано с этим походом, то изготовители-редакторы должны были спешить.

Стало быть, кодикологические, текстологические и исторические соображения и здесь хорошо дополняют друг друга.

На этом триедином основании можно сделать еще один вывод. Если главной целью создателей Лаврентьевской летописи было дать великому князю Дмитрию Константиновичу необходимые литературно-исторические примеры и если этим людям пришлось работать торопливо, оставляя заметные огрехи как в оформлении, так и в содержании книги, то ясно, что оборвать летописное повествование на 1304 г. они могли просто потому, что у них уже не было времени писать дальше, а не только потому, что здесь кончался протограф Лаврентия, как убежден был М. Д. Присьелков.

* * *

В заключение несколько заметок о знаменитой приписке Лаврентия.

Она начинается с уподобления радости оканчивающего труд книгописца радости заключившего удачную сделку купца, достигшего берега морехода и пришедшего на родину странника: «Радуется купец, прикуп створив, и кормчий, в отишь пристав, и странник, в от(е)чство свое пришед; тако радуется и книжный писатель, дошед конца книгам; тако и аз...». В. Л. Комарович отметил тождество одного из этих уподоблений образу, использованному в периоде, посвященном ростовскому епископу Кириллу, в статье 1231 г. Лаврентьевской же летописи: «Да и аз аерским духом нахоженья избегну, направляя корабль словеси ти в тихо пристанище введу» (л. 159). Ученый предположил, что верный своим приемам Лаврентий заимствовал отсюда уподобление писца мореходу.

Надо сказать, что этот посвященный епископу Кириллу период (со слов «Любовному учению же и тцанию дивлься сего честного святителя Кирилла...» до слов «яко истинна есть повѣствову» включительно, — конец л. 158 об.—начало л. 159), довольно бессвязно вторгающийся в летописный текст, уже не раз привлекал и настораживал внимание ученых. А. А. Шахматов думал, что это отрывок похвального слова епископу Кириллу, вставленный в ростовскую летопись — наряду с повестью о Батыевом нашествии и рассказом об изгнании «бесурмен» в 1262 г. — не в момент ее создания, а позже.⁵² Но А. Н. Насонов показал, что весь этот текст является слегка приспособленным к рассказу о Кирилле заимствованием из славянского перевода предисловия к посланиям апостола Павла в Апостоле.⁵³ Место вставки находится как раз в промежутке, пользовавшемся особым вниманием изготовителей-передельвателей летописи (лл. 158—164). Стиль работы (торопливая небрежность, вследствие

⁵² А. А. Шахматов. Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи, стр. 64—65.

⁵³ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись..., стр. 477—480.

которой все это место производит впечатление спутанного и сбитого)⁵⁴ тоже свидетельствует об их руке. Неясно только, каков был смысл этой работы. Вероятно, редакторы хотели сделать более рельефной фигуру епископа Кирилла, одного из действующих лиц повести о Батыевой рати: о нем молится перед мученическо-вероисповедной смертью Василько Константинович («спаси рабы твоя чада моя Бориса и Глеба, и отца моего епископа Кирила», — л. 162 об.), он хоронит обоих князей и его молитвами, наряду с молитвами богородицы, бог прекращает разорение Русской земли: «... не презрѣ господь молитвы его и слез, иже приношаше господеви, моляся д(е)нь и ношь, абы не оскудела правовѣрная вѣра христьянская, еже и бысть: сдѣя господь спасенье велико князем нашим, избавил е от враг наших» (л. 164).

Если в князьях — героях повести о татарском нашествии легко «опознаются» князья XIV в., то на сопоставление с ростовским епископом Кириллом «напрашивается» сам непосредственно причастный к созданию Лаврентьевской летописи нижегородско-суздальский епископ Дионисий.

Но вернемся к послесловию летописи. Развивая мысль В. Л. Комаровича с учетом наблюдений А. Н. Насонова, можно было бы подумать, что в статье 1231 г. и в начале приписки был использован один и тот же источник — Апостол. Однако дело, оказывается, обстоит иначе.

Недавно была опубликована такая запись XIV (или XIII) в. в парижской греческой рукописи сочинений Аристотеля (Paris. gr. 1853, f. 195^v): «Ὡσπερ ξένοι χαίροντες εἶδεν π(α)τριδα καὶ οἱ θαλατῆροντες εἶδεν λιμένα καὶ οἱ κοπιοντες εἶδεν τὸ κέρδος τοὺς καὶ οἱ στρατεβόμενοι εἶδεν τὸ νίκος, ὁμίως καὶ οἱ μαθάνοντες εἶδεν βιβλίου τέλος»⁵⁵ («Как радуются странники, завидя отечество, и мореходы, завидя порт, и труженики, видя прибыль, и войны, видя победу, так и читающий — видя конец книги»; запись сделана довольно безграмотно).

Следом за ней стала известна другая (тоже безграмотная) приписка того же типа: «Ὡσπερ οἱ ξένη χέρωντ(αι) ἰδεῖν π(α)τριδα οὕτως (καὶ) οἱ θαλατῆρωντες ἰδεῖν λιμ(εν)α, ὡς αὐτως (καὶ) οἱ γράφωνт(ες) ἰδεῖν τέλος βιβλίου» («Как радуются странники, завидя отечество, так и мореходы, завидя порт, точно так же и пишущие, видя конец книги»; запись датируется 1522 г.; Barber. gr. 386).⁵⁶

В самое последнее время опубликована и третья аналогичная греческая приписка по рукописи XVIII в.⁵⁷

Таким образом, никаких сомнений теперь нет: Лаврентий начал свое послесловие с повторения или перевода одной из стандартных византийских книжных приписок. Этот факт обнаруживает какое-то знакомство мниха Лаврентия с византийской книжностью. Знал ли он греческий язык, бывал ли он, как Дионисий Суздальский, в Византии, мы, наверно, никогда не узнаем. Но важнее другое: оба этих человека, которым мы обязаны созданием в 1377 г. замечательной рукописной книги по русской истории, принадлежали, судя по всему, к тому слою монахов, который служил главным проводником веяний, шедших на Русь с Балкан, и был самым культурно-плодовитым (литература, архитектура, живопись) и самым

⁵⁴ См.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 98.

⁵⁵ P. Moraux. Le Parisinus graecus 1853 (Ms. E) d'Aristote. — Scriptorium, t. XXI, 1967, № 1, p. 35 et pl. 3c.

⁵⁶ A. Jacob. Une prière du skeuophylakion. — Bulletin de l'Institut Historique Belge de Rome, Bruxelles—Rome, 1968, p. 329.

⁵⁷ БАН, РAIK, № 44; см.: И. Н. Лебедева. Греческие рукописи. — Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 5, Л., 1973, стр. 174.

социально активным в то время, так что, мне кажется, можно говорить об этом явлении в целом как о международном восточноевропейском «монашеском общественном движении» (сколь ни парадоксально сочетание этих слов).

«Неразгаданный, но выдающийся церковный деятель XIV в.»,⁵⁸ Дионисий Суздальский в некоторых исторически существенных чертах был предшественником Сергия Радонежского: ученики Дионисия основывали монастыри общежительного типа, киновии, еще в 1352 г.,⁵⁹ за три года до того, как Сергий, руководствуясь грамотой патриарха Филофея, преобразовал свою монашескую общину из особножития в общежитие (а сам Дионисий, значит, раньше 1352 г.). И через три года после того как Дионисий с Лаврентием литературными средствами благословили антитатарскую борьбу, Сергий благословит Дмитрия Донского на Куликовскую битву.

⁵⁸ М. Д. Приселков. Летописание XIV в. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922, стр. 38.

⁵⁹ См. Житие Евфимия Суздальского. Я пользовался списком ГПБ, ОЛДП. № 233 (175), сборник XVII в., лл. 104—165 об.